

В. Е. Владыкин

**ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
УДМУРТСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
(ЭЭ УдНИИ-70)**

Статья посвящена начальному этапу исследовательской деятельности автора в Удмуртии, а именно – организации и проведению им первой этнографической экспедиции Удмуртского научно-исследовательского института при Совете Министров УАССР (ЭЭ УдНИИ-70). Экспедиция должна была подтвердить (уточнить или опровергнуть) устоявшееся, традиционно бытующее с дореволюционного времени мнение о сильном обрусении северных удмуртов по сравнению с южными группами. Оказалось, что это мнение сильно преувеличено, северные удмурты сохранили в своей локальной культуре много самобытных черт, уже утраченных другими сородичами, а русское влияние, как и тюркское, носит ранний характер.

Особое внимание было уделено бесермянам – народу-загадке, много веков живущих среди северных удмуртов, но сохраняющих особенности южно-удмуртской речи. Позднее наблюдения над бытом и культурой бесермян были обобщены в моей статье, высказано предположение по поводу их этногенеза. Несмотря на обилие научных мнений сегодня, этногенез бесермян, на мой взгляд, всё ещё остаётся на уровне гипотезы.

Ключевые слова: полевые исследования, подготовка этнографической экспедиции, северные и южные удмурты, локальные варианты этнокультуры, бесермяне, общие черты, проблемы этногенеза.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-476-484

После завершения аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в конце 1969 года я приехал в Ижевск и устроился на работу в УдНИИ в только что организованный сектор археологии и этнографии, который возглавил уже известный тогда археолог В. А. Семенов. Практически сразу начал готовиться к летней этнографической экспедиции, поскольку для меня, даже начинающего исследователя, было совершенно очевидно, что успешно и полноценно заниматься этнографией без полевых экспедиций попросту невозможно. К тому же, как учили нас великие наши наставники, каждый пропущенный полевой сезон – потерянный. На тот период этнографов в штате еще не было, этнографических экспедиций тоже не проводилось, пришлось всё начинать сначала: закупать оборудование (рюкзак, фотоаппараты, планшеты), канцелярские товары, продукты питания и т. д.

Надо отметить, что в те (ныне порой бездумно критикуемые) советские времена нынешней изощренной бюрократии, кажется, еще не было. Со стороны руководства сектора и в целом института я получил полное понимание и поддержку. Правда, иногда случались и курьезные моменты, так бухгалтер долго никак не могла понять, как это мы выезжаем в поле и там работаем. Особо хотелось бы вспомнить большую организаторскую роль тогдашнего заместителя директора по науке Н. П. Павлова. Именно он многому меня научил в организационных делах, в том числе и дал первые уроки фотографии, снабдив меня фотоаппаратом-зеркалкой «Зенит», на тот период едва ли не лучшей отечественной фотокамерой, и даже научил преодолевать технические проблемы с зарядкой (у «Зенита» очень неудобные кассеты, и их надо было «доводить»). С того далекого времени я довольно много фотографирую, и мои снимки печатались даже в центральных изданиях. Кстати, и в этой статье присутствуют авторские фотографии. Так что я до сих пор с благодарностью вспоминаю уроки (и не только их!) незабвенного Никифора Павловича Павлова.

Весьма усердно пришлось поработать над научной подготовкой экспедиции (знающие люди иногда шутят: «Экспедицию каждый может провести, а вот подготовить!..»), определить маршрут, цель и задачи исследования, разработать анкеты, вопросники, заготовить «верительные грамоты» (специальные документы для местных властей с просьбой оказать помощь и всяческую поддержку в работе экспедиции). Наконец, это и многое другое, кажется, позади. Экспедиция к работе готова и получила свой исследовательский шифр ЭЭ УдНИИ-70 – Этнографическая экспедиция Удмуртского научно-исследовательского института 1970 года.

Надо сказать, что это не была моя, строго говоря, первая этнографическая экспедиция: в студенческом и аспирантском статусе с 1963 г. я вместе с профессором Клавдией Ивановной Козловой

путешествовал по Закавказью, мы были у армян и молокан; в Удмуртии я работал в поле с 1964 г., собирал материал для дипломной работы и кандидатской диссертации. Но в этот раз это была моя первая самостоятельная исследовательская экспедиция и потому она особо запомнилась.

Почему к северным удмуртам?

Если раньше я отправлялся в поле по известным маршрутам, чаще это был юг Удмуртии, где традиционно считалось, что удмуртская этнография сохранилась/сохраняется лучше. Обычно знатоки советовали посетить Алнашский, Пичипургинский, Киясовский, Граховский и другие южные районы.

Что касается севера Удмуртии, то уже дореволюционные авторы сетовали, что здесь удмурты сильно обрусели и мало сохранили исконно удмуртских черт в своей этнокультуре. Поэтому в этот раз мне хотелось познакомиться с положением дел не выборочно, по чьей-то рекомендации, а, как говорится, самому посмотреть-проанализировать методом так называемого включённого наблюдения, самому убедиться, как обстоят дела на самом деле, поскольку я рассчитывал в дальнейшем на планомерное системное обследование удмуртского этноса в его этнокультурном окружении. Итак, мы едем на север Удмуртии, это – Дебёсский, Кезский, Базезинский, Глазовский, Красногорский, Юкаменский, Ярский районы. Естественно, речь не идёт пока о доскональном обследовании, скорее – это ознакомительная поездка, разведка с расчетом на будущее (известный этнограф финно-угровед XIX в. И. Н. Смирнов подобные свои поездки «в народ» называл «экскурсиями»).

Сразу же при планировании экспедиции я осознанно рассчитывал на совместное сотрудничество с Удмуртским педагогическим институтом, особенно со студентами его исторического факультета (кстати, и позднее, когда уже был создан Удмуртский государственный университет, это сотрудничество не только не прекращалось, но и приобрело особенно продуктивный характер и дало хорошие исследовательские результаты). Научная кооперация для меня всегда была условием успешной работы. Тогдашний декан исторического факультета А. А. Тронин с его демократичностью без всяких проволочек выделил мне студентов 2-го курса. Это были С. Дерендяев¹, А. Каракулова, М. Маштакова. Забегая вперёд, скажу, что А. А. Тронин выбрал достойных своих студентов, они работали безупречно. В таком составе мы и отправились покорять северные пределы Удмуртии. Нельзя сказать, что я вовсе не был знаком с этим регионом: здесь прошло моё раннее детство (Ярский р-н), летом я часто бывал в деревне у бабушки и дедушки (Кезский р-н), да и сейчас, пожалуй, я лучше знаю северный диалект удмуртского языка.

Ватка – «тõды дйсь» – «зуч удмуртьёс» (Ватка – «белая одежда» – «русские удмурты»)

В отличие от других финно-угорских народов (мордвы и мари) удмурты более этнокультурно монолитны и компактно расселены. И тем не менее, по этнической структуре достаточно сложны. Северные удмурты ранее других вступили в этническое контактирование с русскими и испытали длительное и сильное русское воздействие, поэтому и южные удмурты называют их «зуч удмуртьёс». И всё-таки уже *a priori* мне представлялось, что это влияние несколько преувеличено. Действительно, полевой материал подтвердил это предположение. Более того, если мы наблюдаем сильное русское влияние, оно древнего плана, как и сами архаические элементы собственно удмуртской культуры. К примеру, северные удмурты свободно говорят на удмуртском и русском языках, и вдруг в удмуртской речи при характеристике невесты встречается выражение «самый красный возраст» (сами русские сейчас уже не используют этот термин, а у удмуртов – он остался). Здешние удмурты часто используют такие русские слова, как работать, робить, селянки, мушник, калега, баушка, дедушко и др.

В этнокультуре северных удмуртов сохранились старинные двухэтажные кеносы, срубные ворота, сеновалы с подъёмом на лошади, редко, но встречаются *покчи куала* (семейная куала). Нам показывали и развалины почитаемой *Быдзым куала* (родовой куалы), при всем раннем влиянии христианства сохраняются почитаемые жертвенные деревья и особо охраняемые локусы. Только на севере Удмуртии вас могут угостить настоящими эталонными перепечами, *таб авылын пельнянь* (особой формы пельмени с рубцом на сковородке), семидесятиградусной гыинской кумышкой, соперничающей по крепости и качеству с виски. Что касается тюркского влияния, то оно также прослеживается,

¹ В будущем один из лучших выпускников факультета, аспирант Пермского университета, яркий преподаватель УдГУ. Жаль, что этот талантливый, многообещающий молодой человек не успел реализоваться, рано ушел из жизни. Хочется надеяться, что его сын Дима, археолог, продолжит дело своего отца.

но если оно на юге Удмуртии более позднего, татарского, воздействия, то здесь оно древнее, каринского (?) плана.

В целом мы подвели такой предварительный итог: северные удмурты довольно близки своим южным родственникам, и если даже иногда их вышучивают своеобразными словами-маркерами (*бен-говорящие, ыльыс, зёк, окмоз* и т.д.), они без труда общаются друг с другом. В то же время северные удмурты сохранили в своей локальной этнокультуре целый ряд самобытных черт, начиная от антропологии, диалекта, белую одежду, древний тип красной вышивки, песни без слов, многоголосное пение и т. д., некоторые из них корреспондируют с Русским Севером и даже Зауральем (Сибирью) и требуют к себе более пристального исследовательского влияния.

Народ-загадка

Говорят, современную ойкумену населяют от 5 до 7 тысяч этносов, точнее сосчитать сложно, если вообще возможно. Во-первых, порой трудно определить, кто это: отдельный народ или просто этническая / этнографическая группа. Во-вторых, жизнь народов – это живой, быстро изменяющийся процесс. Сколько известных, славных этносов кануло в Лету. Где сейчас скифы, сарматы, гунны, тысячи других, больших и малых, без которых история кажется не полной. Бог с ними, далёкими, грозными, загадочными, а ведь жили рядом, по соседству, видимо, такие же, как мы, меря, мурома, мешера и др., куда они исчезли? Остались одни неясные воспоминания.

Рис. 1. Бесермянка в праздничном традиционном костюме. с. Пышкег, Юкаменский р-н, УАССР. Фото В. Е. Владыкина. ЭЭ УдНИИ-70

Рис. 2. Бесермянка в традиционной одежде. с. Пышкег, Юкаменский р-н, УАССР. Фото В. Е. Владыкина. ЭЭ УдНИИ-70

А вот совсем рядом с нами и даже вместе уже давно и до сих пор живёт живой народ-загадка – бесермяне. Кто они, откуда, как им удалось сохраниться на протяжении столетий. Эта тайна, живая

загадка волнует исследователей уже более века. Высказано множество предположений, но пока это всего лишь только гипотезы.

Рис. 3. Бесермянский девичий головной убор такья. с. Пышкет, Юкаменский р-н, УАССР. Фото В. Е. Владыкина. ЭЭ УдНИИ-70

Рис. 4. Бесермянка в традиционном костюме. д. Большая Юнда, Балезинский р-н, УАССР. Фото В. Е. Владыкина. ЭЭ УдНИИ-70

Честно признаться, именно бесермяне позвали меня в эту первую самостоятельную ЭЭ УдНИИ-70. Когда я узнал про этот загадочный народ, мне конечно же захотелось с ними познакомиться. Оказывается, дипломную работу по бесермянам писал один из первых выпускников-удмуртов кафедры этнографии МГУ Г. Н. Трефилов. Научным руководителем его была тоже К. И. Козлова, как и у меня, только она почему-то об этом мне ничего не сказала, я узнал об этом уже совсем недавно. А Гурий Николаевич Трефилов, когда я приехал в Ижевск, меня опекал, всячески помогал, с экспедициями – тоже, только вот о своем «бесермянском опыте» тоже не говорил ни слова. Что поделаешь, загадочный народ.

Первое знакомство с бесермянами, признаюсь, меня несколько разочаровало: внешне они такие же, как и мы, удмурты, их деревни, дома, пожалуй, ничем не отличаются от удмуртских. Вот когда мы заговорили с ними, особенно пожилыми, сразу ощутили разницу в речи. Да, они говорят как и мы, удмурты, по-удмуртски, только... по-другому, мало того, что живя среди северных удмуртов, они говорят на южно-удмуртском диалекте, у них другая мелодика речи, интонация и некоторые другие слова (в терминологии родства). Очень впечатлил бесермянский костюм. В нем ощущается какое-то не удмуртское влияние.

Какое? Уже позднее я узнал – чувашское (девичья шапочка-*такья*, женский головной убор *кашту*). Очень рад, что с той далекой поры у меня в коллекции сохранились некоторые бесермянские

фотографии из д. Юнда и с. Пышкет. Своим тогдашним информаторам я приношу свою запоздалую благодарность.

После экспедиции я продолжил свои бесермянские разыскания, даже кое-что написал, выдвинул свою гипотезу об этногенезе бесермян (сделал доклад на сессии Института этнографии АН СССР в 1971 г. в Тбилиси). Полагаю, что бесермянский этногенез может быть решен с привлечением религиозного фактора: в условиях Волжской Булгарии предки бесермян язычники перешли в господствующую религию ислам, позднее стали христианами, поэтому в комплексе их верований до сих пор прослеживаются компоненты всех этих религий. А потом появились уже свои бесермянские исследователи, среди них количеством и качеством выделяются труды Е. В. Поповой.

Рис. 5. Бесермянка в традиционном костюме. Д. Большая Юнда, Балезинский р-н, УАССР. Фото В. Е. Владыкина. ЭЭ УдНИИ-70

Рис. 6. Бесермянские дети. Д. Большая Юнда, Балезинский р-н, УАССР. Фото В. Е. Владыкина. ЭЭ-УдНИИ-1970.

Рис. 7. Бесермянский головной убор «кашпу». Д. Большая Юнда, Балезинский р-н, УАССР. Фото В. Е. Владыкина. ЭЭ УдНИИ-70

Рис. 8. Бесермянская семья. Д. Большая Юнда, Балезинский р-н, УАССР. Фото В. Е. Владыкина. ЭЭ УдНИИ-70

Рис. 9. Полуразрушенный православный храм в бесермянском с. Пышкет. Юкаменский р-н, УАССР. Фото В. Е. Владыкина. ЭЭ УдНИИ-70

Рис. 10. На некоторых христианских крестах у бесермян встречаются языческие тамги. Д. Большая Юнда, Балезинский р-н, УАССР. Фото В. Е. Владыкина. ЭЭ УдНИИ-70

Рис. 11. На бесермянских захоронениях встречаются и мусульманские символы. Д. Большая Юнда, Балеинский р-н, УАССР. Фото В. Е. Владыкина. ЭЭ УдНИИ-70

Рис. 12. На бесермянском кладбище встречаются разные символы. Д. Большая Юнда, Балеинский р-н, УАССР. Фото В. Е. Владыкина. ЭЭ-УдНИИ-70

Поступила в редакцию 17.07.2019

Владыкин Владимир Емельянович,
доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: tgvladykina@mail.ru

V. E. Vladykin

**ETHNOGRAPHIC EXPEDITION OF THE UDMURT SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE
(EE OF THE USRI – 70)**

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-3-476-484

The article is devoted to the initial stage of the author's research activities in Udmurtia, namely arranging and holding the first ethnographic expedition of the Udmurt Scientific Research Institute under the Council of Ministers of the UASSR (EE of the USRI – 1970). The expedition's goal was to confirm (to clarify or to deny) traditional opinion of pre-revolutionary time about strong russification of the northern Udmurts in comparison to the southern groups. It turned out that this opinion is highly exaggerated since northern Udmurts had preserved a lot of original local cultural features which had been lost among other neighboring ethnic groups, whereas the Russian impact, as well as the Turkic one, happened far earlier.

Special attention was paid on Besermyans – an enigmatic people dwelling among the northern Udmurts for a number of centuries but preserving the features of the southern Udmurt speech. Later observations of the Besermyan household and culture were summarized in my article; I made an assumption about their ethnogenesis. In spite of a great number of today's scientific ideas, the Besermyans' ethnogenesis, in my opinion, still remains hypothetical.

Keywords: field research, preparation to ethnographic expedition, northern and southern Udmurts, local variations of ethnical culture, the Besermyans, common features, ethnogenesis issues.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 3, pp. 476–484. In Russian.

Received 17.07.2019

Vladykin Vladimir Emelyanovich,
Doctor of History, Professor,
Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, 426034, Russian Federation
E-mail: tgvladykina@mail.ru